Зло на экспорт

19.03.2014

Чем объясняется живучесть коррупционных преступлений

Валерий БАЙНЕВ, доктор экономических наук, профессор

Подмечено, что “коррупция всегда пускает корни глубоко... вверх”. Поэтому она чрезвычайно живуча, а проблема коррупции стара как мир. Первые дошедшие до нас упоминания о борьбе с коррупцией относятся еще к древней истории. Однако коррупция не только не сдается, но и, модифицируясь, захватывает новые территории.

Многие из нас отождествляют коррупцию со взятками, которые берут чиновники у простых граждан для решения их проблем. Однако эти проявления бытовой коррупции — лишь видимая, надводная часть айсберга. Куда опаснее деловая коррупция. Она возникает в процессе взаимодействия бизнеса и власти, которая в условиях рыночного капитализма с его стержневой идеологией всеобщей погони за деньгами также обречена стать бизнесом. Благодаря “бизнесменам от власти” отдельные предприниматели покупают себе незаслуженные преимущества для победы над добросовестными конкурентами. В итоге в рыночной экономике с ее всеобщим стремлением к наживе неизбежно происходит “селекция наоборот”, когда остаются под солнцем и богатеют не самые эффективные, а наиболее нечистоплотные, беспринципные, безнравственные бизнесмены и чиновники.

К середине прошлого века в процессе описанной селекции на сцену вышла генерация предпринимателей, чье богатство и нравственные качества позволяли им не просто давать эпизодические взятки, но в прямом смысле “купить государство”, спонсируя правящие партии и подчиняя правительства интересам крупного капитала. В итоге во весь голос заявила о себе коррупция верховной власти как торговля государственными и национальными интересами. Иначе не могло и быть, ибо в рыночной экономике все, что сулит прибыль, включая подписи чиновников, места в парламенте, общественные интересы и так далее, рассматривается как товар.

Параллельно с этим стал расти и связанный с коррупцией теневой сектор мировой экономики. Если до 60-х годов прошлого столетия его доля не превышала и шести процентов, то в наши дни она выросла до трети мирового ВВП, перевалив за 26 триллионов долларов, что в полтора раза больше ВВП США или ЕС. При этом наибольший рост теневого сектора показали благополучные страны: доля теневого оборота в ВВП Швеции возросла в 11 раз, Германии — в 8 раз, Дании — в 4 раза.

Следует пояснить, что коррупция и теневая экономика в развитых и периферийных странах дают разные результаты. На Западе “покупка государства” бизнесом лишь перераспределяет ресурсы

внутри страны — от общества к бизнесу и чиновникам, не нанося смертельного вреда экономике. Принципиально иная картина в периферийных странах, где крупный западный бизнес обычно побеждает менее сильный национальный капитал в конкуренции за продажную власть. Благодаря коррупции и теневому сектору богатеющий Запад получает возможность подобно вампиру высасывать ресурсы из беднеющих, разрушающихся периферийных экономик.

Получается, Запад заинтересован в росте коррупции и теневой экономики на периферии, о чем свидетельствует такой любопытный факт. Во второй половине прошлого века в ряде развитых стран взятки иностранным чиновникам, в том числе за допуск к “прихватизации” активов бывшего СССР, не только не запрещались, но и поощрялись западными правительствами, освобождавшими свои корпорации от уплаты налогов с затрат на эти взятки. Есть сведения, что у одних только немецких корпораций в 90-е годы прошлого века расходы на подобные цели достигали 5,6 миллиарда долларов в год. Немудрено, что в развивающихся, переходных и колониальных странах коррупция прямо-таки зашкаливает.

Однако особо изощренную форму коррупция приобретает в странах, где Запад ценой сравнительно малых затрат на “перестройки”, “майданы” и “цветные революции” приводит к власти подконтрольную себе элиту, изначально вменив ей в обязанность тотальную торговлю национальными интересами. Такая компрадорская, управляемая извне власть лишь имитирует неутомимую борьбу с коррупцией. На деле же она планомерно выстраивает продажную, коррумпированную вертикаль, на всех уровнях заточенную на “выкачивание” природных ресурсов, капиталов и мозгов из быстро беднеющей страны. Об этом недавно поведал миру в своей нашумевшей книге “Исповедь экономического убийцы” лично причастный к экспорту “цветных революций” американец Джон Перкинс. Вот чем, оказывается, объясняется загадочная живучесть коррупции, а также наличие мощного теневого сектора в ряде периферийных, в том числе постсоветских стран.

Так, прогремевшая на весь мир своими “апельсинами” и “майданами” Украина в прошлом году разделила с Камеруном и Папуа — Новая Гвинея “почетное” 144-е место среди 177 обследованных стран в коррупционном рейтинге Transparency International. А по доле теневого сектора Украина с показателем более 44 процентов ВВП вообще вышла на позорное первое место в Европе, намного опередив ту же кризисную Грецию с ее 26 процентами. Именно ржа коррупции, вызвав разрушение экономики, по словам Александра Лукашенко, и привела к нынешнему развалу Украины.

Выходит, борьба с коррупцией — это сложная, многоплановая задача, увы, не ограниченная пресечением банального

взяточничества. Сегодня поле боя с этим злом простирается вплоть до активного противодействия экспорту в нашу страну всяческих “майданов” и “цветных революций”. Ведь, финансируя их, Запад, привыкший веками обогащаться ограблением колоний, мечтает и у нас привести к власти своих коррумпированных марионеток-компрадоров, чьей профессиональной обязанностью станет бойкая торговля нашими национальными интересами.